

И.В. Нечаева

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖИВШЕЙСЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ И РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО ПИСЬМА

В статье анализируется ситуация, сложившаяся в области письменного освоения заимствований. Ставится вопрос о языковых критериях и факторах, существенных при определении написания слова. Выявляются и анализируются действующие принципы орфографического нормирования, такие как единство графического облика слова, императивность кодифицированной нормы, установка на унификацию, отсутствие градаций у орфографической нормы, минимализм предписывающих формулировок. На современных примерах показано, что, несмотря на их кажущуюся бесспорность, данные принципы в применении к иноязычной неологии недостаточно эффективны. Затронут вопрос о соотношении нормы и кодификации в орфографии и о различных подходах к орфографической вариативности.

Ключевые слова: заимствование, языковые изменения, орфография, норма, принципы кодификации, вариативность.

1. Последние два десятилетия бурного развития русского языка, характеризуемого порой как «языковая смута»¹, были сопряжены с усилением межъязыкового взаимодействия и перенасыщением языка иноязычными заимствованиями. В связи с этим в орфографии появились новые явления, для которых нет правила (либо к которым неприменимы существующие правила) и подходящего языкового прецедента. Эти изменения – своеобразная проверка на прочность орфографических традиций. Как следует относиться к языковым явлениям, не укладывающимся в традиционную норму? Вопрос, способна ли действующая система кодификации письма осуществлять нормативную оценку языковых новаций на должном уровне – или же время требует обновления самих нормализаторских подходов – представляется в этой ситуации вполне закономерным.

Наметившееся движение к общественным переменам отражается и на функционировании национального языка (подробнее об этом см. исследование В.Г. Костомарова²). Стремление к тотальному обновлению (как социальная тенденция) распространяется на некоторые аспекты владения и пользования языком, приводит к возникновению явлений, для которых на сегодняшний день не существует четких критериев нормативной оценки. Это говорит о необходимости обратить внимание не только на отдельные установления, но и на саму идеологию нормирования. Сторонники такого подхода исходят, прежде всего, из осознания определенной связи между структурными языковыми новациями и изменением представления о статусе орфографической нормы, а также – одновременно – из требования лингвистической обоснованности написаний. Не в последнюю очередь это распространяется на неологизмы иноязычного происхождения (которые являются предметом рассмотрения в данной статье) – одну из самых неблагоприятных областей русской орфографии. Противоречивость оснований для написания слова, многолетнее наслоение непоследовательных решений привели к запутанности вопросов правописания в этой сфере. Поэтому главным на сегодняшний день является вопрос, как в принципе определяется написание слова, какие факторы при этом действуют и какие критерии используются.

То, что этот вопрос приобрел актуальность, отмечалось еще в самом начале прошедшего десятилетия. Еще тогда говорилось о недостаточной разработанности

принципов нормализаторской деятельности в орфографии, одним из проявлений чего является несогласованность нормативных рекомендаций в словарях³, а также о преодолении «режимного орфографического сознания» как примете времени⁴. Проблема альтернативы существующему подходу в нормировании, реализации более современного взгляда на формирование нормы в орфографии (при сохранении основ русского правописания) остается актуальной и по сей день.

Задача обновления кодифицирующей базы ставилась и при работе над новой редакцией «Правил...» 1956 года, которая была издана в 2006 году под названием «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (и переиздана в 2009 г.). Читатель получил пособие, в котором действующие на протяжении 20-го века нормы правописания дополнены и проиллюстрированы современным лексическим материалом. Кроме того, был уточнен ряд формулировок, конкретизированы некоторые рекомендации, в ряде случаев пополнены ряды исключений. Традиционная для регламентирующих источников форма заполнена новым содержанием. Однако в целом концепция орфографических «Правил...» осталась неизменной⁵.

Целью настоящей статьи является выявление случаев несоответствия традиционных нормализаторских подходов реалиям нового времени (на материале иноязычных заимствований), а также постановка вопроса о способах преодоления такого несоответствия.

2. В чем же по сути состоит принятый нормализаторский подход? Можно отметить некоторые особенности, или принципы, которые обычно принимаются как постулаты, не требующие доказательств:

1) написание любого слова, в том числе нового, должно быть единым; это единство должно быть обязательно достигнуто, даже ценой условности принятых решений;

2) изменение орфографической кодификации (если норма в итоге оказывается не оправданной временем и не подтверждается в узусе) состоит в замене одного императива на другой;

3) унификация на письме слов, в чем-либо подобных – одно из главных достоинств орфографической нормы;

4) идеал орфографического правила в простоте его применения и минимуме используемых критериев;

5) у орфографической нормы отсутствуют градации; существует лишь жесткая дихотомия правильного написания и ошибки.

Но несмотря на их кажущуюся бесспорность, применение этих принципов к новым иноязычиям обнаруживает иногда свою недостаточную эффективность.

2.1. Единство написания слова. В орфографии принято исходить из того, что любое слово должно иметь единый графический облик. Однако, как уже отмечалось в лингвистической литературе, применение этого принципа осложняется возможностью различных трактовок одного и того же языкового факта⁶, множественностью орфографических мотиваций⁷. Примерами могут служить заимствования, внешне похожие на сложносокращенные слова с аналогичной первой частью, но в той же мере могущие быть рассмотренными как созданные по заимствованной словообразовательной модели с помощью аналитического прилагательного или калькированные: *фото(-)арт*, *соц(-)арт*, *этно(-)музыка*, *техно(-)рок*, *тур(-)менеджер*, *масс(-)культура* (англ. *mass culture* или сокращение от *массовая культура*). Эти два подхода противоречат друг другу в плане орфографии⁸: от словообразовательной трактовки данных новообразований зависит правописание слова. Как поступить кодификатору: «подогнать» подобные написания под традиционную норму или внимательнее присмотреться к подобным частным новациям как к признакам перемен в языке? Предпочтительнее, разумеется, второй вариант, однако он требует проверки временем.

Примеры на двоякую орфографическую мотивацию, в частности, дает противоречивость языковых аналогий. Так, орфограмму слова *бизнес(-)вумен* можно

сформировать по аналогии с *бизнесмен* (слитно) или *бизнес-леди* (через дефис); номинацию *Интернет* можно уподобить нарицательным названиям средств связи (*телеграф, телефон, радио* и др. – и писать со строчной буквы), а можно – номинации *Интерпол* как уникального объекта (из чего и исходят авторы некоторых словарей); *шоу(-)рум* писать как *шоумен* или как *шоу-бизнес* и др. Слово *плеер* зафиксировано в словаре в безыготном варианте (как *леер*), однако ничто в русской системе письма (кроме кодификаторского запрета) не мешает воспроизводить его как *плейер* (ср. *конвейер, фейерверк*).

Иногда конфликт возникает между внутриязыковыми (либо межъязыковыми) аналогиями и этимологией слова в ее фонетическом или графическом выражении (это связано не только с орфографией, но и вообще с проблемой передачи заимствований). Так, сравним слово *ар-деко* (франц. Art Déco, где t немое) и слова на *арт-...*, бытующие в русском языке: *арт-салон, арт-кафе, арт-директор* и др. (созданные по заимствованной модели с использованием русифицированного элемента *арт-* от англ. *art* ‘искусство’). В результате их взаимодействия в узусе появляется альтернативный вариант *арт-деко*, слово начинает испытывать колебания. Аналогичными коллизиями порождены варианты *гексаген/гексоген* (англ. *gexogen*, ср. *гексагональный, гексахлоран*) и *ремейк/римейк* (англ. *remake* [ri:meik], ср. *реанимация, регенерация*) и др. Акцентом либо на написание, либо на произношение этимона различаются варианты *имейл/е-мейл* (англ. *e-mail*), *кич/китч* (нем. *Kitsch*) и т.д.

У слова *пентхаус/пентхауз* [англ. *penthouse*] возможно неоднозначное понимание этимологической основы заимствования, от которого зависит его написание: конечный глухой согласный основы при образовании плюральной формы [*penthouses*] меняет свое звучание – становится звонким. Кодификатор оказывается перед вопросом: учитывается ли позиционное изменение согласного при заимствовании или следует ориентироваться лишь на исходную форму? Для русского языка с его фонемным принципом письма этот вопрос весьма актуален. Ср. также *фрисби/фризби* (англ. *frisbee* [frizbi:] – ‘игровой спортивный снаряд – «летающий диск»’), *гёрлс/гёрлз* (в составе различных названий, напр. *шоу гёрлз*, англ. *girls*), где также речь идет о выборе между глухим или звонким при передаче заимствования.

Чтобы достичь орфографического единства в подобных случаях, необходимо прийти к согласованному мнению, какую из возможных трактовок счесть более обоснованной и достойной быть отраженной в орфографии. Но поскольку, как уже говорилось, принципы нормализации на сегодняшний день остаются неразработанными, кодификатору приходится принимать произвольное решение, раз за разом преумножая непоследовательность нашего правописания.

2.2. Отмена нормативного решения. В ряде случаев противодействие узуса состоявшейся кодификации оказывается настолько упорным, что вынуждает корректировать словарные написания. Это явление неизбежно вытекает из предыдущего – принципа абсолютного единства написаний, безвариантности. Хорошо это или плохо для орфографии? К сожалению, в такой ситуации приведение «теории» в соответствие с «практикой» чревато тем, что факт отмены предыдущего решения расшатывает норму как таковую. Для той части пишущих, которая обычно следует за словарем, словарные рекомендации теряют свою надежность и авторитет. «Изменение привычного написания всегда болезненно для пишущих, освоивших грамоту», – констатирует С.М. Кузьмина. По ее мнению, приоритетным должен стать «принцип невнесения изменений»⁹. Но соблюдение этого принципа невозможно в ситуации, когда систематически словарно закрепляются неустоявшиеся написания. В настоящее время таким изменениям в наибольшей мере подвержены именно иноязычные неологизмы – по очевидным причинам: вопрос об их орфографическом освоении относится к наименее разработанным на сегодняшний день.

2.3. Унификация написаний у слов, обнаруживающих определенное формальное сходство, широко применяется в правописании. Однако в последнее время нередки случаи, когда новые слова сопротивляются унификации – вероятно, потому, что полученная в результате орфограмма не соответствует тенденциям, действующим в письменном языке. Распространенный случай – выравнивание написаний сложных слов, имеющих общую первую часть, представляющееся вполне логичным в свете русской орфографической традиции. Но иноязычные слова и здесь ведут себя иначе, нежели исконно русские. Так, некоторые слова с первой частью *мини-*, вопреки традиции писать данную начальную часть через дефис, имеют слитную орфограмму; среди них неологизмы *минивэн* (восходящий к слитно пишущемуся английскому этимону *minivan*), *минимаркет*, *миницикл* и некоторые другие¹⁰. Обратный случай – сопротивление контактному присоединению первой части: это, к примеру, слово *зоо(-)отель*, образованное в русском языке, в котором на стыке морфем сходятся подряд три буквы «о». Сюда же относится ряд слов с первой частью *блиц...* (*блиц(-)анализ*, *блиц(-)викторина*, *блиц(-)интервью*, *блиц(-)опрос* и др.), узуальное дефисное употребление которых прецедентному слитному написанию (ср. *блицкриг*) категорически не следует¹¹. Сопротивляются унификации по слитному варианту (по аналогии с *медиа...*) и слова с первой частью *мультимедиа...* – вероятно, в силу протяженности графического ряда: *мультимедиа(-)система*, *мультимедиа(-)программа*, *мультимедиа(-)приложение*; см. также упомянутые ранее *фото(-)арт*, *соц(-)арт*, *этно(-)музыка* и др. Этимологические и структурные особенности данных слов оказываются для правописания более существенными, нежели унификация на русской почве, в результате чего происходит сдвиг традиционной нормы.

Есть еще ряд типичных случаев, когда следование принципу письменной унификации корней на базе русского языка входит в противоречие с этимологией слова. Это может затрагивать не только проблему слитного / дефисного присоединения морфем, но и буквенный состав (точнее – удвоение согласных). Последнее относится к парам *шоп / шоп(н)инг* (англ. shopping), *рэп / рэп(н)ер* (англ. rapper), а также цепочке *блог / блог(г)ер / блог(г)инг* (англ. blogger, blogging) и под.¹² Казалось бы, подход, при котором унифицируется орфография однокоренных заимствований (т.е. корень *блог* в составе любого слова пишется с одним «б» и т.д.), вполне логичен, однако он чреват так называемыми «исключениями», поскольку применяется выборочно и границы его действия невозможно четко обозначить: ср. *контроль*, но *контроллер* ('электрический аппарат низкого напряжения, предназначенный для пуска и торможения электродвигателей') и *контроллинг* ('инструмент планирования и анализа состояния дел на фирме, используемый для принятия решений'). Избирательность применения правила – большой его недостаток, ведущий к тому, что правило становится фактически «неработающим» (в чем можно убедиться на примере правила о сложных прилагательных). Кроме того, подобный подход рождает еще одну проблему – проблему идентификации корней: так, слова *зум* [англ. zoom увеличение] и *зуммер* [нем. Summer от summen жужжать] имеют разное происхождение, что должно быть установлено пишущим во избежание орфографической ошибки.

2.4. Простота и цельность орфографического правила, состоящая в отсутствии различных оговорок и дополнительных критериев, по общепринятому мнению, приближает его к идеалу. Такое правило – так сказать, «мечта» преподавателя-словесника. Главное, чтобы правило было при этом лингвистически обоснованным и отражало реальную языковую ситуацию, что является залогом его эффективности.

Посмотрим, насколько эффективно простое правило об употреблении буквы «э» после согласных (которое разрешает писать эту букву лишь в ряде слов и приводит список основных исключений). Пишущий, который стоит перед задачей записать какое-л. новое слово с фонемой /э/ после твердого согласного, вынужден гадать, является ли это слово «неосновным» в ряду исключений или же его следует писать с буквой «е». И

действительно, приведенным в правиле списком из семи слов¹³ и их производными область употребления постконсонантной «э» далеко не ограничивается: в «Русском орфографическом словаре» таких слов более ста. Между тем в правиле отсутствуют критерии, которые могли бы послужить ориентиром для новых слов при выборе их написания. Эти критерии проистекают из фонетических закономерностей, в соответствии с которыми графической поддержки твердого произношения требуют в основном задненебные и отчасти губные согласные как наиболее склонные к смягчению перед /э/¹⁴. Другая закономерность касается проблемы конца слова, т.е. случаев типа *карате, варьете, эссе* и под., где все согласные, кроме задненебных и «л» (ср. *пике, реле*), произносятся твердо, поэтому необходимость в графической поддержке твердого произношения отсутствует¹⁵. Третья связана с этимологической членимостью слова (т.е. случаев типа *пленэр*, от франц. *plein air*). Таким образом, единое правило фактически распадается на три. Составителям словарей новых слов было бы полезно обладать подобной информацией об особенностях письменного освоения заимствований: их решения по написаниям неологизмов могли бы стать более последовательными. При этом, разумеется, речь не идет об обязательном усвоении данного правила во всех его аспектах учащимися средней школы; вообще следует более четко проводить различие между задачами описания и преподавания орфографии, не смешивая вопросы исследовательские и кодификаторские с проблемой практического овладения грамотой (в настоящее время этому различию часто не уделяется должного внимания).

Аналогичным образом можно было бы попытаться усовершенствовать правило о двойных согласных, которое на данный момент сводится к рекомендации придерживаться словарных написаний. В данной области важны различия по месту употребления двойной / одиночной согласной (в середине / конце слова и по отношению к ударению), а также по количеству этимологических удвоений в слове (одно из двух обычно утрачивается, ср. *комиссия* (лат. *commissio*), *миллениум* (англ. *millennium*) и под.). Следует, однако, различать закономерности, подсказанные естественным развитием языка, и умозрительные построения на синхронном срезе лексической системы, без учета ее изменений. Так, попытка применить идею проверки однокоренным словом к парам *шоп / шоп(н)инг, блог / блог(г)ер* и подобным обращает нас к морфологическому принципу орфографии, характерному для исконных слов, тогда как известно, что данный принцип неприменим к иноязычиям, чему можно привести немало примеров (*инженер*, но *инжиниринг, транскрипция*, но *транскрибировать, магнит*, но *магнетизм, альфа*, но *алфавит, металл*, но *хевы-метал*). Если при нормировании исходить из наличия / отсутствия в языке однокоренного слова с одиночной согласной, можно оказаться в ситуации одновременного заимствования однокоренных, и тогда появление нового этимологически родственного слова может со временем потребовать изменения орфографической нормы применительно к заимствованному ранее. «Орфографические правила необходимы; однако не следует думать, что именно они задают орфографическую норму», – пишет А.Д. Шмелев¹⁶, с чем нельзя не согласиться.

В упомянутом проекте правила о правописании слов типа *блог / блог(г)ер* привлекает его внешняя логичность и простота. Стремление к простоте применения орфографических критериев исторически привело к решению заключить заимствования в единое с исконными словами нормативное пространство, обращаться с иноязычными словами так же, как с русскими (действующие правила во всех своих редакциях принципиально едины для исконных слов и для заимствований); однако это порой чревато просчетами в кодификации. Между тем идея выделения области иноязычных слов с целью описания их орфографии в виде специальных правил или рекомендаций (при тщательной проработке вопроса об их особом статусе и степени императивности), на наш взгляд, отнюдь не лишена смысла.

2.5. Отсутствие градаций у орфографической нормы. Данное свойство связано с проблемой границ упорядоченности в орфографии и с вопросом о вариативности.

В орфографии у нас принято такое положение, при котором любое написание слова, отличное от словарного, считается ошибкой. Многолетняя, со времен Я.К. Грота, деятельность по упорядочению правописания привела к тому, что вариативность на письме табуирована в сознании многих. Между тем здесь на ряде примеров было показано, с какими трудностями порой встречается кодификатор при определении единого нормативного написания. В настоящее время вряд ли можно утверждать, что действующие на письме тенденции ясны, однозначны, непротиворечивы и всегда могут служить основанием для кодификации новых слов.

В истории русского письма отмечались некоторые тенденции в освоении иноязычий – например, упрощение удвоенных согласных (*офицер*, нем. *Offizier*; *волейбол*, англ. *volley-ball*) или движение от дефиса к слитному написанию у сложных заимствований (*бельканто*, итал. *bel canto*; *верлибр*, франц. *vers libre*). Однако достаточно ли у нас оснований полагать, что эти тенденции продолжают действовать в изменившейся языковой ситуации? Теория проверяется практикой. Практические же наблюдения за современным письмом на данный момент не позволяют сделать такие выводы (скорее наоборот). Исторический взгляд на развитие письма, безусловно, важен, но его не следует возводить в абсолют. Даже академик Я.К. Грот, хотя и ратовал за единообразие на письме, все же не мог не отметить, что «когда в правописании господствуют рядом одно с другим два начала, то возникает вопрос: где и как провести резкую черту законности между тем и другим?» и призывал «уметь отличать важные разногласия от неважных»¹⁷. В современной же ситуации отказ от отрицания вариантности, понимание ее неизбежности в некоторых случаях и временное ее сохранение тем более могут быть оправданы стремлением избежать закрепления недостаточно мотивированных написаний.

В чем обычно видится опасность вариативности в орфографии? Вариативность отождествляется с таким положением, когда все будут писать произвольно, «как хотят», и на письме воцарится хаос. Однако этого вполне можно избежать, если иметь в виду, что вариативность вовсе не означает отсутствия отбора и вполне поддается упорядочению. Вариативность у заимствований можно ограничить, опираясь на лингвистические основания написаний.

Во-первых, следует исключить графически неправильные (в соответствии с определением А.А. Зализняка¹⁸) записи слов, т.е. не соответствующие произношению заимствованного слова, его фонетике. Примерами графически неправильной записи могут служить варианты *андерграунд* (*underground* [ʌndəgraʊnd]) и *парти* (*party* [pa:ti]) (ср. *андеграунд* и *пати*), которые зафиксированы в некоторых орфографических словарях¹⁹.

Во-вторых, известно, что существуют языковые закономерности, которые можно и следует учитывать, имея в виду ограничение вариативности. О некоторых из них, например, касающихся произношения согласных перед /э/, говорилось в разделе 2.4. Относительно удвоения согласных этимона на конце слова следует иметь в виду, что, по нашим наблюдениям, такое удвоение обычно утрачивается, если ему не предшествует ударный гласный; если это основание будет сочтено убедительным, то с вариантами типа *фитнесс*, *топлесс* [англ. *fitness*, *topless*] также можно будет расставаться сразу. Самая трудная область – слитно-дефисные написания, но и здесь возможен отбор вариантов. Данный подход не исключен и тогда, когда заимствование, в силу своего отношения к нескольким проблемам правописания, имеет множественные правописные варианты (количество вариантов обычно пропорционально количеству орфографических проблем, связанных с этим словом: одна проблема дает два варианта, две проблемы – четыре варианта, три проблемы – восемь вариантов и т.д.; напр. *флеш-мобер*, *флеш-моббер*, *флэш-мобер*, *флэш-моббер*, *флешмобер*, *флешмоббер*, *флэшмобер*, *флэшмоббер*; ср. также *экз/сит(-)пол(л)*). Отобранные с помощью упомянутого подхода варианты могли бы составить допустимый диапазон варьирования орфограмм.

Стремление к последовательности нормативного отбора требует от нас сосредоточить внимание на общих вопросах письменного освоения заимствований (а не

на отдельных словах и орфограммах), как то: а) следует ли пополнять ряд исключений из действующего правила употребления буквы «э» после согласных, и если да, то за счет каких слов? б) является ли неединственность консонантного удвоения в слове существенным фактором для упрощения одной пары согласных на письме? и т.д.

Логично предположить, что временное сохранение вариативности будет способствовать выявлению тенденций, о которых мы не можем в настоящее время судить достаточно уверенно. Действительно, какими мы располагаем критериями определения нормативности? Узус однозначного ответа не дает, так как в нем сосуществуют различные написания и нет надежного способа определить, что им принимается, а что нет. В узусе также могут быть распространены и некорректные написания (напр., *барсетка* [от итал. *borsetta* – сумочка или франц. *boursette* от *bourse* кошелек]). Как отличить узуальные ошибки от точек роста? К приведенным выше примерам неочевидных орфографических решений можно добавить немало других, решение по которым также требует проверки временем: *хе/эд(-)хантер* [англ. *head(-)hunter*], *спел(л)(-)чек(к)ер* [*spellchecker* / *spell checker*], *саунд(-)продюсер* [*sound producer*] и др. (ряд открыт). «Механизм опробования» в языке (В.Г. Костомаров) осуществляется через вариативность. Вариативность – не антипод норме, а способ ее обретения.

3. Несмотря на описанные здесь трудности орфографического нормирования иноязычий, кодифицированная норма на сегодняшний день демонстрирует свою категоричность. Доминирующий подход к языковым явлениям с однозначным мерилем «норма / ошибка» игнорирует в ряде случаев колебания, имеющие объективные основания, и мешает проявиться тенденциям письма. На наш взгляд, время поставило под сомнение незыблемость некоторых принципов нормирования, применяемых в кодификаторской практике и перечисленных в начале данной статьи. Вопреки распространенному опасению, признание этого обстоятельства не разрушает основы русского правописания, а лишь освобождает его от чрезмерного догматизма.

Обозначилась потребность в новом осмыслении понятия нормы, которая на сегодняшний день основывается на жесткой дихотомии «правильно / неправильно». Возможно, в ряде случаев целесообразно выйти из этой парадигмы и строить свои орфографические представления на тройной альтернативе «рекомендуется / допустимо / ошибочно», более соответствующей современному состоянию письменного языка. (Имеется в виду принципиальный подход к нормированию, способ нормативного мышления, парадигма которого включает ряд альтернативных возможностей и который необязательно должен быть реализован – хотя в принципе это возможно – в употреблении соответствующих словарных помет). При этом зона колебаний охватывает, разумеется, не всё правописание (масштаб нестабильности на письме не следует преувеличивать), а лишь случаи объективных затруднений в становлении нормы. Область допустимого в орфографии должна включать именно те варианты, выбор между которыми составляет проблему и которые теоретически могут претендовать на нормативность при условии их соответствующего закрепления. Принятие нормативной градации в отношении проблемных слов позволит со временем оценить, какое место каждый вариант занимает на шкале нормативности, и выделить наиболее предпочтительный. В нынешней языковой ситуации вполне оправданным представляется альтернативный традиционному кодификаторский подход, который можно охарактеризовать следующими принципами:

- 1) упорядоченность орфографии состоит не столько в единстве орфограмм, сколько в согласованном отношении к спорным явлениям;
- 2) императивная кодификация только тогда оправданна, когда она идентична уже сформировавшейся норме;
- 3) устойчивое колебание нормы – не ошибка, а показатель стихийных процессов в языке;
- 4) главное достоинство правила не в его простоте и доступности, а в логике нормообразования;

5) для иноязычных неологизмов допускается шкала письменной нормы в рамках определенного диапазона.

Примечания

¹ Мокиенко В.М. О некоторых актуальных проблемах культуры русской речи // Тезисы Третьей всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» (7–10 декабря 2011 г., Санкт-Петербург). http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/pdf/themes_2011.pdf

² Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., Златоуст, 1999.

³ Кузьмина С.М. Проблемы нормирования орфографии и орфоэпии в условиях современной языковой ситуации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002). М., 2003. С. 232.

⁴ Григорьева Т.М. Ситуация орфографического режима в русском языке и ее последствия // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002). М., 2003. С. 260.

⁵ См. об этом: Лопатин В.В. Новая редакция правил русского правописания: реальности и мифология // Общественные науки и современность, 2002, № 3; Лопатин В.В. О «Правилах русской орфографии и пунктуации» // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М., Издательский центр «Азбуковник», 2009.

⁶ Кузьмина С.М. Норма в орфоэпических и орфографических словарях // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М., Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 170.

⁷ Нечаева И.В. О явлении и случаях двойной орфографической мотивации // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М., Языки славянской культуры, 2012. С. 148–152.

⁸ Нельзя не заметить, что русский язык в последние десятилетия весьма восприимчив к новообразованиям по иноязычным моделям; см. об этом Голанова Е.И. О «мнимых сложных словах» (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) // Лики языка. М., Наследие, 1998. С. 35; Костомаров В.Г. Указ. соч. С. 243.

⁹ Кузьмина С.М. Проблемы нормирования орфографии и орфоэпии... С. 234.

¹⁰ См. Нечаева И.В. О шоп(н)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации // Русский язык в научном освещении, 2012, № 1 (23). С. 81–82.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Там же. С. 75–76.

¹³ Мэр, пэр, сэр, мэтр, пленэр, рэп и рэкет.

¹⁴ См. Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М., Издательский центр «Азбуковник», 2011. С. 74–75; 97.

¹⁵ См. Еськова Н.А. Об одной частной произносительной закономерности русского литературного языка // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. Тез. докл. межд. науч. конф. 26–28 апреля 2004 г. М., 2004. С. 49–51.

¹⁶ Шмелев А.Д. Орфографические нормы и орфографические правила // Русский язык в школе, 2009, № 9. С. 75.

¹⁷ Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876. С. 177–178.

¹⁸ Графически правильной является такая запись слова, которая, будучи прочитанной по основным правилам чтения данного языка, дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась; см. Зализняк А.А. Древнерусская графика со смешением ъ–о и ь–е // Отцы и дети Московской лингвистической школы. М., Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 172.

¹⁹ Данное утверждение опирается на словарную транскрипцию правильного английского произношения, приведенную, например, в словарях Collins и Oxford. Надо сказать, что в словаре американского английского Webster'е дается иная транскрипция (с произносимым [г]), однако при этом оговаривается, что такое произношение распространено не на всей территории США; для некоторых территорий (особенно на востоке и юге страны), оно нехарактерно.

